

УДК 94(477).«1960/1980»:379.85

Повседневная история советского общества 1960–1980-х гг. через призму туристских практик

Попов А. Д.

Попов А. Д. Повседневная история советского общества 1960–1980-х гг. через призму туристских практик. В статье раскрыты отдельные аспекты развития внутреннего, иностранного выездного и въездного туризма, связанные с повседневной жизнью советского общества 1960–1980-х гг. На конкретных примерах показано соотношение массового и элитарного, обыденного и небанального в советском туризме.

Ключевые слова: туризм, повседневность, массовость, идеология, контроль.

Попов О. Д. Повсякденна історія радянського суспільства 1960–1980-х рр. крізь призму туристських практик. У статті розкрито окремі аспекти розвитку внутрішнього, іноземного виїзного та в'їзного туризму, що пов'язані з повсякденним життям радянського суспільства 1960–1980-х рр. На конкретних прикладах показано співвідношення масового й елітарного, буденного та небанального у радянському туризмі.

Ключові слова: туризм, повсякденність, масовість, ідеологія, контроль.

Popov A. D. Everyday History of the Soviet Society During the 1960s–1980s Through the Prism of Tourist Practices. In the article the separate aspects of the development of domestic tourism, foreign departure and entrance tourism, which are related to the everyday life of the soviet society during the 1960s–1980s are exposed. On specific examples the correlations of mass and elite, ordinary and original features in the soviet tourism are shown.

The keywords: tourism, everyday life, mass character, ideology, control.

На протяжении последних лет в гуманитарном научном пространстве Украины происходят процессы, которые дают основание отдельным авторам говорить о превращении истории повседневности из экзотического в ведущее направление отечественной историографии [16, с. 6]. Во многом данная ситуация отражает общие тенденции развития современной исторической науки. Совершенствование теоретико-методологического инструментария все чаще приводит к критическому восприятию одномерного анализа повседневности. Большое распространение получила деконструкция © Попов А. Д.

рассматриваемого феномена на основе различных подходов: социального (повседневность различных сословий и групп), гендерного («женская» и «мужская» повседневность), утилитарного (бытовая и производственная повседневность). Кроме повседневных и внеповседневных (пограничных, небанальных), описываются и «смешанные» ситуации, когда небанальное действие может быть понятным только в контексте повседневных практик и явлений [7, с. 6]. Именно поэтому, как справедливо отмечает О. А. Коляструп, для изучения повседневности очень продуктивно использовать сравнения и противопоставления по линиям публичного – частного, будничного – праздничного, обычного – необычного, коллективного – личного [5, с. 177].

Интерес к изучению туристских практик в контексте повседневной жизни советского общества проявился лишь в последние годы, причем в имеющихся работах российских [2; 8; 18] и украинских [12; 13] исследователей внутренний туризм рассматривается в отрыве от международных туристских связей, а иностранный (выездной) туризм – отдельно от зарубежного (выездного) туризма. В то же время, на основе анализа советского общества периода «развитого социализма» можно наглядно показать многомерность интеграции туристских практик в пространство повседневности.

Цель исследования: на основе рассмотрения туристских практик, существовавших в СССР на протяжении 1960–1980-х гг., выявить различные измерения советской повседневности – обыденное, небанальное, сравнительное, «запрещенное».

Период 1960–1980-х гг. характеризуется как время наиболее интенсивного развития массового советского туризма. Только по путевкам туристско-экскурсионных организаций системы профсоюзов путешествия по стране в 1969 г. совершило 7,2 млн., в 1975 г. – 25,4 млн., в 1981 г. – 33,5 млн., в 1985 г. – 38 млн. туристов [4, с. 63]. Внутренний туризм стал обыденным, банальным явлением. Однако специфика советской экономической модели приводила к дисбалансу между спросом и предложением на рынке туристских услуг. Основные вопросы управления туристско-рекреационной отраслью решались на общесоюзном уровне, при этом центральные органы власти стремились к более равномерному распределению объектов размещения на территории страны. Полученные от продажи путевок средства перераспределялись на развитие инфраструктуры «туристской целины», в то время как на самых популярных курортах страны наблюдался перманентный дефицит койко-мест. Согласно данным проведенного в 1975 г. социологического опроса лидером курортного спроса являлся Крым, где провести свой отпуск желал 21 % советских граждан, около 16 % опрошенных отдали предпочтение Черноморскому побережью Кавказа, а 13 % – курортам Прибалтики [9].

За период с 1950 по 1989 гг. количество мест на крымских турбазах увеличилось в 10 раз, а число обслуженных ими туристов – в 72 раза [11, с. 86-87]. При этом стоимость путевок в летнее время была всего на 5-10 % выше, чем в период межсезонья. Это приводило к «недоездам» туристов с путевками зимой, ранней весной и поздней осенью, в то время как летом загрузка турбаз намного превышала допустимые нормы. В «пик» сезона на приморских турбазах многих туристов вынуждены были размещать на балконах и верандах, в различных помещениях общего пользования. Руководитель одной из турбаз откровенно признавал, что «когда на базе перегрузка, то туристом приходится укладывать в туристском кабинете, в бильярдной. Некоторых такое размещение не устраивает и отсюда жалобы» [21, л. 12]. Очень часто недовольство также вызывало недостаточное обеспечение турбаз мебелью, постельным бельем, полотенцами, салфетками и туалетной бумагой. Централизация распределения путевок и снабжения турбаз приводила к тому, что вопрос о замене сломанных кроватей, рваных простыней, пришедших в негодность столовых приборов мог решаться годами [11, с. 89-91].

Поскольку, несмотря на скромные условия размещения, приморские турбазы в летний период могли вместить лишь малую часть желающих, огромное распространение в 1960-1980-е гг. получил неорганизованный («дикий») туризм. По некоторым подсчетам Крымскую область в 1960 г. посетило 1,2 млн., в 1970 г. – 5 млн., в 1980 г. – 7,2 млн., в 1988 г. – 8,3 млн. туристов и рекреантов, из которых количество «дикарей» составляло 75-80 % [6, с. 13]. Неорганизованные туристы имели возможность по собственному желанию выбирать время, маршрут, продолжительность путешествия, а также отправиться на отдых всей семьей. Однако значительная концентрация «дикарей» в курортных населенных пунктах и рекреационных зонах заметно снижала качество отдыха, приводила к значительным антропогенным нагрузкам на природную среду, инженерно-технические коммуникации, предприятия сферы услуг.

Так, в июле-августе, в Ялту каждый день прибывало около 10 тыс. туристов и рекреантов, из которых лишь каждый десятый имел путевку. Остальные 90 % прибывших составляли «дикари», которые даже во время отдыха не могли избавиться от таких атрибутов советской повседневности, как дефицит и очереди. Для желающих легально снять жилье первой проблемой была очередь в квартирно-посредническое бюро. Далее были длинные очереди в столовых и магазинах. Если на пляже был туалет или душевая, то туда также образовывалась очередь, как и в курортную поликлинику, в пункт междугородней телефонной связи [15].

Процедура размещения «дикарей», многие из которых прибывали на отдых с детьми, вполне соответствовала кадрам из кинокомедии Л. Гайдая «Спортлото-82». Люди размещались даже в наименее

приспособленных помещениях – сараях, временках, беседках. Те, кто предпочитал отдыхать за пределами населенных пунктов, включая многочисленных автотуристов, также оказывались в стесненном положении. Организованных стоянок и автокемпингов в Крыму в советское время было всего несколько, они могли удовлетворить лишь малую часть желающих воспользоваться их услугами. В результате вдоль береговой линии появлялись сотни стихийных автостоянок-лагерей, обитатели которых собственными руками мастерили шалаши и навесы, разбивали палатки. Вот как описывалась легально действовавшая в 1964 г. возле Симеиза стоянка, предназначенная для прибывавших на личном автотранспорте «дикарей»: «Автостоянка ... ограждена проволокой, не спланирована, недостаточно освещения и воды. Под одним краном умываются, моют посуду и стирают белье. Не отведено место для приготовления пищи. Имеют место факты, когда приготовление пищи производится на керогазах, примусах или костре непосредственно возле автомашин» [10, с. 160-161]. А для обитателей стихийных стоянок автотуристов даже такие условия были недостижимыми.

На фоне массовых туристских практик появились и небанальные способы организации туризма и рекреации, которые были доступны лишь избранным и служили маркерами социального статуса. Определенная прослойка советских граждан обратила свое внимание на более элитарные условия отдыха, которые могли обеспечить объекты, предназначенные для обслуживания иностранных туристов. В 1979 г. ЦК КПУ была инициирована проверка использования номерного фонда принадлежащего «Интуристу» гостиничного комплекса «Ялта». Оказалось, что в период с июня по сентябрь не менее 10-20 % отдохавших здесь лиц составляли советские граждане, преимущественно функционеры различных уровней, представители творческой интеллигенции, известные спортсмены. Все они размещались на основании письменных и телефонных обращений со стороны руководства партийных и государственных органов городского, областного, республиканского, общесоюзного уровня [26, л. 34-35].

Другим способом вырваться из обыденной повседневности посредством туризма стали путешествия за рубеж, число участников которых неуклонно возрастало. Если в 1956 г. за рубеж отправилось 561 тыс. советских туристов, то в 1965 г. их количество составило уже около 1,2 млн. чел., в 1975 г. – около 2,5 млн. чел., в 1980 г. – около 3 млн. чел. [3, с. 17]. По мере развития туризма в СССР формируется своеобразная «шкала престижности» туристских путешествий, напрямую зависящая от массовости туристских потоков. В то время, когда миллионы советских граждан ежегодно посещали «ленинские места» в Разливе, Ульяновске и Шушенском, туристская группа из 19 известных советских литераторов и членов их семей совершила путешествие в Швейцарию. В своем отчете о поездке, состоявшейся в октябре 1969 г.,

руководитель группы сообщал, что во время пребывания в Берне, Женеве и Цюрихе её участники «посетили все адреса ..., связанные с пребыванием и деятельностью В. И. Ленина» [24, л. 143-144].

Совершить вояж в капиталистическую страну было намного престижнее, нежели побывать в странах «социалистического лагеря». Например, за 1965 г. ГДР посетило 11 922 советских туриста, а ФРГ – только 394 (соотношение 30/1), хотя капиталистическая Западная Германия значительно превосходила социалистическую Восточную Германию и по территории, и по туристско-рекреационным ресурсам, и по развитию индустрии гостеприимства [23, л. 1-2]. Если путевки в дружественную ГДР распределялись по профсоюзной линии, то редкие путешествия в ФРГ обычно совершали немногочисленные группы советских чиновников, ученых, деятелей искусств, которые за свой счет направлялись для участия в различных международных конференциях, симпозиумах, фестивалях.

Говоря о выездном туризме в СССР послевоенного периода можно выделить ещё одно, «сравнительное» измерение советской повседневности. Во время посещения туристами зарубежных стран происходил процесс «социального сравнения», выражавшийся в сопоставлении условий жизни, форм и видов деятельности с привычным для вояжеров повседневным бытием. Причем такие сравнения зачастую были не в пользу «Страны Советов». Например, во время посещения Центральной Европы советские туристы могли искренне восхищаться «высокой культурой городов и поселков ..., красивой архитектурой зданий, изобилием цветов и зелени, исключительной чистотой улиц, хорошими автодорогами, освещением улиц, прекрасными парками и культурным обслуживанием» [22, л. 30].

Однако после возвращения на Родину значительной части туристов приходилось выступать перед массовой аудиторией слушателей (читателей, зрителей) с разоблачительными выступлениями о повседневных реалиях капиталистического мира. «Трудно во Франции рядовому труженику – заработок невелик, а квартирная плата и медицинская помощь обходятся очень дорого. Несмотря на обилие товаров в магазинах, покупателей немного. В Париже много безработных, встречаются и бездомные, ночующие на улицах» – вот типичный пример легитимных впечатлений о пребывании в капиталистической стране [14].

В Советском Союзе выездной туризм традиционно позиционировался как способ показать иностранным гражданам достижения социалистического строительства, убедить их в преимуществе советского образа жизни. Если в 1960 г. СССР посетило 0,7 млн. вояжеров из-за рубежа, то в 1970 г. их количество составило уже 2,1 млн. чел., в 1980 г. – 5 млн. чел. [3, с. 17]. Однако существовали целые пласты «запрещенной» советской повседневности, доступ к

которой для иностранцев пытались ограничить. Не случайно посетивший СССР в 1960 г. американский писатель-фантаст Р. Хайнлайн утверждал, что истинная функция системы «Интуриста» – не помочь, а помешать иностранным туристам увидеть реальную картину советской действительности [17].

Деятельность персонала «Интуриста» и других обслуживающих иностранцев организаций была направлена на создание у них позитивного, а зачастую даже идиллического представления о советской повседневности. Малоприспособленные для проживания людей бараки и коммунальные квартиры, необустроенные мусора, очереди за дефицитными товарами, пьяные и неопрятно одетые люди – все это власти старались скрыть от гостей из-за рубежа. Особое внимание уделялось предотвращению фиксации подобных неприглядных картин туристами с помощью фотоаппаратов и любительских видеокамер. Так, в отчете одного из региональных отделений «Интуриста» за 1963 г. сообщалось об инциденте, когда «во время стоянки круизного судна ... туристка из ФРГ была задержана ... при попытке сфотографировать очередь» [20, л. 174].

На территории Южного берега Крыма зоны размещения большого количества неорганизованных рекреантов часто находились в непосредственной близости от объектов «Интуриста». В информационном письме за 1982 г. сообщалось, что туристка из Великобритании выразила удивление тем обстоятельством, что «в Ялте существуют трущобы». «Квартиры не имеют удобств – воду берут из колонок во дворах. Район перенаселен, люди живут на верандах, в пристройках» – так она описала свои впечатления о прогулке по одной из ялтинских улиц [19, л. 52]. Гиду-переводчику пришлось приложить большие усилия, чтобы убедить гостью из-за рубежа, что живущие в таких условиях люди – это граждане со всех концов Советского Союза, которые предпочитают именно таким способом реализовывать свое конституционное право на отдых.

Повышенный интерес иностранных туристов к бытовым аспектам жизни советских людей можно определить и по тем вопросам, которые они задавали гидам-переводчикам во время своего пребывания в СССР. Их часто интересовала стоимость булки хлеба (ковра, легкового автомобиля), размеры социальных пособий, зарплат и пенсий разных категорий населения, процедура получения бесплатного жилья. Многие вопросы касались тех элементов советской действительности, которые декларировались как уникальные («Эффективна ли советская система бесплатного медицинского обслуживания?»), или же тех атрибутов западного образа жизни, которые отсутствовали в СССР («Есть ли в Советском Союзе публичные дома?») [25, л. 63]. В некоторых вопросах иностранцев угадывается стремление раскрыть некую скрываемую суть, «зазеркалье» советской повседневности: «Почему у Вас в

магазинах мы не видим красивой одежды, а многие Ваши люди одеты красиво?»; «Существует ли в Советском Союзе черный рынок и почему много фарцовщиков?»; «На какие дополнительные доходы Ваши граждане при сравнительно небольшой зарплате покупают автомашины?» [27, л. 16-17].

Таким образом, туристские практики в советском обществе 1960–1980-х гг. находились на разных уровнях интеграции в пространство повседневности. Массовый социальный и «дикий» (неорганизованный) туризм в эпоху «застоя» стали неперемным атрибутом «обыденной повседневности», стандартной формой проведения ежегодного отпуска. В то же время, для отдельных категорий советских граждан был доступен «небанальный» отдых с использованием материальной базы «Интуриста» или «элитарные» путешествия в зарубежные страны. При этом туристская поездка за границу формировала сравнительный образ советской и несветской повседневности. Наконец, для иностранного въездного туризма в СССР было характерно стремление властей скрыть отдельные стороны советской действительности, в результате чего возникла некая «запрещенная», скрываема повседневность. Поскольку туризм всегда предполагает перемещение людей, представляющих различные слои общества и социокультурные системы, во времени и пространстве, то именно на его примере появляется уникальная возможность «под разными углами зрения» рассмотреть специфику советской повседневности 1960–1980-х гг.

Примечания

1. *Исследование* выполнено благодаря финансовой поддержке Фонда Герды Хенкель / Gerda Henkel Stiftung (Дюссельдорф, Германия), проект AZ 08/SR/10.
2. Багдасарян В. Э., Орлов И. Б., Шнайден Й. Й., Федюлин А. А., Мазин К. А. Советское зазеркалье. Иностраный туризм в СССР в 1930–1980-е гг. / В. Э. Багдасарян, И. Б. Орлов, Й. Й. Шнайден – М., 2007.
3. Восток О. С. Организация и совершенствование управления иностранного туризма в СССР: Автореф. дис. ... канд. экономич. наук: 08.00.05 / О. С. Восток. – М., 1984.
4. Квартальнов В. А., Федорченко В. К. Туризм социальный: история и современность / А. В. Квартальнов, В. К. Федорченко. – К., 1989.
5. Колястрок О. А. Предмет історії повсякденності: історіографічний огляд його становлення у зарубіжній та вітчизняній історіографії / О. А. Колястрок // Український історичний журнал. – 2007. – № 1.
6. Курортно-рекреационное хозяйство Крыма: сезонность, занятость населения: Информационный материал. – Симферополь, 1990.

7. Орлов И. Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления / И. Б. Орлов. – М., 2010.
8. Орлов И. Б., Юрчикова Е. В. Массовый туризм в сталинской повседневности / И. Б. Орлов, Е. В. Юрчикова. – М., 2010.
9. Переведенцев В. И. Путешествие с путевкой. Летний отдых в зеркале социологии / В. И. Переведенцев // Литературная газета. – 1977. – 20 июля.
10. По декрету Ильича: Курортное строительство в Крыму, 1920–1989: Сб. документов и материалов. – Симферополь, 1989.
11. Попов А. Д. Эволюция советской модели туристского сервиса в послевоенный период (на материале Крыма) / А. Д. Попов // Туризм и сервис в панораме тысячелетий. – М., 2010. – Вып. 2.
12. Попов О. Небанальне повсякдення: підготовка до поїздки за кордон у Радянському Союзі 1950–1980-х рр. / О. Попов // Краєзнавство. – 2010. – № 3.
13. Радченко О. Повсякденне життя радянських людей в УРСР у 60-80-х рр. ХХ ст. очима іноземних туристів / О. Радченко // Історія повсякденності: теорія та практика: матеріали Всеукр. наук. конф. – Переяслав-Хмельницький, 2010.
14. Рубцов Н. И. Десять дней во Франции / И. Н. Рубцов // Курортная газета. – 1971. – 11 мая.
15. Сапиро Д. Если вы приехали без путевки / Д. Сапиро // Курортная газета. – 1967. – 9 июня.
16. Удод О. Історія повсякденності як провідний напрям української історіографії / О. Удод // Краєзнавство. – 2010. – № 3.
17. Хайнлайн Р. «Интурист» изнутри / Р. Хайнлайн. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lib.rus.ec/b/138953/read>. Доступ – 25.11.2010 г.
18. Чистиков А. Н. Советский турист за рубежом, 1950-е и 1960-е гг. / А. Н. Чистиков // Человек и личность как предмет исторического исследования: Россия (конец XIX–XX в.): научные доклады международного коллоквиума. – СПб., 2010.
19. ГААРК. – Ф. П-1. – Оп. 4. – Д. 2527.
20. Там же. – Ф. П-84. – Оп. 1. – Д. 324.
21. Там же. – Ф. Р-3512. – Оп. 1. – Д. 260.
22. Там же. – Ф. Р-3776. – Оп. 1. – Д. 1120.
23. ГАРФ. – Ф. Р-9612. – Оп. 3. – Д. 142.
24. Там же. – Д. 374.
25. ЦГАВО Украины. – Ф. 4672. – Оп. 1. – Д. 140.
26. ЦГАОО Украины. – Ф. 1. – Оп. 25. – Д. 1970.
27. Там же. – Ф. 7. – Оп. 20. – Д. 1689.